

-- ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ И ЭПОХАХ --

-- ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ И ЭПОХАХ --

ИЛЛЯ
ЭРЕНБУРГ

ЛЮДИ, ГОДЫ, ЖИЗНЬ

КНИГИ ПЕРВАЯ, ВТОРАЯ, ТРЕТЬЯ

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВЛЕНО
БОРИСОМ ФРЕЗИНСКИМ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Э76

Дизайн серии *Дмитрия Агапонова*

Книга печатается по изданию: *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь: книги первая, вторая, третья: в 3 т. Т. 1. – М.: АСТ, 2017

На переплете репродукция картины Жана Бера «Парижский бульвар»

В оформлении книги использованы фотографии из личного архива *Б.Я. Фрезинского*

Э76 **Эренбург, Илья Григорьевич**

Люди, годы, жизнь : книги первая, вторая, третья / Илья Эренбург; подгот. текста, предисл., коммент. Б.Я. Фрезинского. – М.: АСТ, 2020. – 656 с.; ил. – (История в лицах и эпохах).

ISBN 978-5-17-134014-8

Знаменитые воспоминания Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь» по праву считаются наиболее интересным и полным повествованием среди всего написанного русскими писателями XX века. Недаром Министерство образования и науки РФ включило его мемуары в список «ста книг», рекомендованных к чтению.

В настоящем томе Эренбург рассказывает о своей жизни, о городах и странах, где жил, о своих друзьях — великих поэтах, художниках, политиках, о трагических событиях Первой мировой и Гражданской войны, свидетелем и участником которых он стал. Среди героев автора П. Пикассо, А. Модильяни, Д. Ривера, Г. Аполлинер, М. Волошин, М. Цветаева, Б. Пастернак, В. Маяковский, С. Есенин, И. Бабель, В. Ленин, Л. Троцкий и многие другие.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-134014-8

© И.Г. Эренбург, наследники, 2020

© Б.Я. Фрезинский, подготовка текста, предисловие, комментарии, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Мемуары Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь»
(от замысла — к рукописи, от издания — к читателю)

Костра я не разжег, а лишь поставил
У гроба лет грошовую свечу...

Илья Эренбург¹

Том первый (1891–1934)

Интервал исторического пространства-времени, о котором писатель и общественный деятель Илья Григорьевич Эренбург (1891—1967) повествует в первом томе своих знаменитых мемуаров, начинается с Российской империи при царствовании Александра III и Николая II и заканчивается воцарением в СССР политической диктатуры Иосифа Сталина. В него уложилось череда знаковых событий как общероссийского, так и мирового значения: русская революция 1905 года, Первая мировая война 1914—1918 гг., большевистский переворот октября 1917 года и следом — Гражданская война (1918—1921), создание всемирного коммунистического движения (Коминтерн), смерть лидера большевиков В.И. Ленина (1924) и острейшая схватка его наследников за лидерство в партии и стране (1924—1929), в которой, используя реальную мощь партаппарата, верх взял генсек Сталин, ликвидировавший оппозицию, подчинивший себе партию и Коминтерн, а следом — коллективизировавший деревню, уничтоживший самую дееспособную часть крестьянства, установив в итоге тотальную власть в государстве. Конечно, Илья Эренбург мог писать лишь о том, что знал и помнил, участником или свидетелем чего ему довелось быть лично. 1905 год в Москве, большевистская организация и арест, политическая эмиграция, парижская группа содействия большевикам, Ленин, Каменев, Троцкий, Зиновьев и уход от большевиков. Конечно, в его жизни была не только политика, были стихи, любовь и первая жена, студентка Сорбонны Катя Шмидт, родившая в 1911 году ему дочь Ирину, а потом его бросившая, уйдя к Тихону Сорокину. Была парижская богема, художники «Ротонды», дружба с мало кому тогда известными Модильяни и Пикассо. Была война, поездки на франко-германский фронт и его корреспонденции оттуда в русские газеты. Эренбург помнил долгожданное возвращение в Россию летом 1917-го и ужаснувший его там раздраз, весь кошмар 1917—1920 годов, красных, белых и зеленых, помнил погромы и ВЧК, бегство на барже из врангелевского Крыма в свободный Тифлис. Потом возвращение в голодную Москву 1920 года, где невозможно было думать о романе «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников», как он думал о нем в Париже 1916-го и в Киеве 1919-го. Помнил, как друг его юности Николай Бухарин помог ему получить разрешение на отъезд в Париж с советским паспортом. Обо всем этом хотелось рассказать (наверное, с разной мерой подробностей) в своих мемуарах. Он не мог и не

¹ Из стихотворения «Люди, годы, жизнь» (1964).

собирался писать о том, чего не видел и не знал: о страшной коллективизации, о методичном укреплении личной власти Сталина.¹ Ликвидацию политической оппозиции в СССР Илья Эренбург, поселившийся в 1921 году за границей, посчитал делом сугубо внутрипартийным, лично его не затрагивающим, ведь серьезные житейские проблемы возникли лишь на рубеже 1920—30-х годов, главным образом из-за жесточайшего мирового экономического кризиса, о чем он тоже должен был рассказать в мемуарах...

Воспоминания «Люди, годы, жизнь» могли быть написаны только после смерти Сталина, в годы относительной либерализации жизни в стране.

Собственно, замысел большого повествования о прожитой жизни, о людях, с которыми она сводила, о событиях, свидетелем или участником которых доводилось быть, о странах, куда заносила судьба, стал складываться у Ильи Эренбурга в середине 1950-х годов.

Первую попытку поделиться с читателями рассказом о своей жизни Эренбург предпринял еще в «Книге для взрослых», соединившей в себе роман с мемуарами; этот замысел возник в 1935-м (в конце года, будучи в Москве, Эренбург поделился им с редакцией «Знамени», откуда в самом начале 1936-го письмом в Париж заинтересованно напомнили ему об этом, и он засел за работу). «Книга для взрослых» вышла из печати накануне 1937 года, который, как оказалось, меньше всего располагал к воспоминаниям. Определяя для себя в конце 1950-х момент, когда можно будет приступить к новой большой работе, Эренбург, надо думать, держал в голове историю и судьбу «Книги для взрослых». Многие ее мемуарные страницы он использовал в процессе работы над книгой «Люди, годы, жизнь», но акценты в повествовании существенно изменились — исчезли былая ирония, жесткость иных суждений. «Мы слишком часто бывали в размолвке с нашим прошлым, чтобы о нем хорошенько подумать. За полвека множество раз менялись оценки и людей и событий; фразы обрывались на полуслове; мысли и чувства невольно поддавались влиянию обстоятельств. Путь шел по целине; люди падали с обрывов, скользили, цеплялись за колючие сучья мертвого леса. Забывчивость порой диктовалась инстинктом самосохранения: нельзя было идти дальше с памятью о прошлом, она вязала ноги...»² — с такой мыслью он приступил к повествованию о людях, годах и жизни.

Хрущевская оттепель, казалось, открывала возможность вернуться к прошлому и разобраться в нем; за три года после смерти Сталина страна сделала заметный шаг к самоочищению. Даря в 1956 году знакомому человеку свою повесть «Оттепель», Эренбург сказал, что все оставшееся время будет писать одну книгу — воспоминания. В своих литературных планах после «Оттепели» он вообще отказался от беллетристики. Характерным в этом смысле было и его категорическое решение исключить из своего последнего прижизненного собрания сочинений такие откровенно неудавшиеся ему вещи (советская цензура,

¹ С 1921 г. живя на Западе и приезжая в СССР в 1924 и 1926 годах, Эренбург месяц-другой ездил по стране, встречался с друзьями-писателями и с Бухаринным, но каких-либо серьезных тревог не ощутил, а в следующий приезд в 1932 г. очертания единоличной власти уже были заметны всем.

² См. наст. изд. С. 25–26.

напротив, к ним благоволила), как повесть «Не переводя дыхания», роман «Девятый вал» и вторая часть повести «Оттепель». При этом художественная эссеистика, стихи, переводы и международная публицистика оставались для него жанрами в разных смыслах актуальными.

Что же касается собственно воспоминаний, то прошли долгие четыре года, прежде чем Эренбург приступил к этой объемной работе. Тому были причины как внутреннего, так и внешнего порядка. О внутренних причинах Эренбург написал 5 мая 1958 года в «Автобиографии»: «Мне 67 лет, друзья иногда спрашивают меня, почему я не пишу мемуаров. Для того чтобы задуматься над прошлым, нужно отъединение и время, а у меня нет ни того, ни другого, я живу настоящим и все еще пытаюсь заглянуть в будущее. Жизнь нельзя просто пересказать, это неинтересно. Да и опасно полагаться на память: оглядываясь назад, видишь десятилетия в тумане, лес, а в лесу – случайно запомнившиеся полянки. Для того чтобы рассказать о жизни, следует ее продумать...»¹

В этой цитате выделим слова «я живу настоящим» и добавим к ним фактическую справку: Эренбург практически не писал в стол, он работал для своих современников², при этом хорошо знал политическую кухню цензуры и писал на пределе допустимого. В 1930–50-е годы только стихи сочинялись без какой-либо оглядки на возможность их публикации; некоторые из стихотворений не печатались годами, дожидаясь лучших времен, иные были опубликованы уже посмертно. В черное время (13 февраля 1953-го) Е.Л. Шварц пронизательно записал об Эренбурге в дневнике – там, где рассказывал о встречах с ним в 1920-е годы: «Потом, позже угадал я его дар: жить искренне, жить теми интересами, что выдвинуты сегодняшним днем, и писать о них приемами искусства сегодняшнего дня».³

Внешняя причина задержки с мемуарами – политический откат, происшедший в конце 1956 года в СССР после революционных выступлений в Польше и восстания в Венгрии, подавленного Советской Армией. Началось контрнаступление сталинистов на ту часть интеллигенции, в которой они видели главную опасность своей неограниченной власти.

Публикация эссеистики Эренбурга 1955–58 годов была пробой для его мемуаров (Эренбург писал о Бабеле и Цветаевой, о Лапине и Сарьяне, о любимых французских поэтах, прозаиках и художниках, об итальянском кино, о Чехове,

¹ Советские писатели. Автобиографии. <Т.1>. – М., 1958.

² Сошлюсь и на свидетельство искусствоведа И. Голомштока, которому Эренбург сказал: «Я средний писатель. Я не могу писать в стол. Я знаю: то, что я пишу, сегодня нужно людям, а завтра это будет уже не нужным». Его слова так прокомментированы Голомштоком: «Это было точно! Даже в самых скучных своих романах 40-х годов Эренбург всегда доходил до грани запретного, слегка переступал за эту грань, за что неоднократно подвергался строгой критике в прессе. Я, по крайней мере, всегда находил в его романах что-то мне “нужное”. И кто бы из наших “письменников” назвал бы себя средним писателем! Температура моего уважения к Эренбургу подскочила на несколько градусов!» (Знамя. 2011. № 3. С. 161). Думаю, объективно говоря, что Эренбург не был «средним писателем» своего времени, он имел *свое* лицо.

³ Шварц Е. Я живу беспокойно: из Дневников. – Л., 1990. С. 294–295.

о странах Азии, где побывал впервые, об их культуре и традициях). Эта работа, своеобразная «разведка боем»¹, позволила ему оценить реальные границы цензурно дозволенного в новых условиях послесталинского времени. Работая на этой грани возможного, Эренбург не раз ее переступал, чтобы, под нажимом цензуры, у последней черты сказать нет, фактически означавшее для него запрет публикации. При этом, конечно, Эренбург рассчитывал на свою международную известность, поддержку в кругах левой интеллигенции Запада, заинтересованность реформистской прослойки из хрущевского окружения в освобождении страны от сталинского наследия и улучшении ее зарубежной репутации. И тут уже, опасаясь международного скандала, ему, случалось, уступали. Художественная эссеистика Эренбурга вызывала озлобленные нападки ортодоксов, подчас срежиссированные аппаратчиками ЦК КПСС (как это было с «Уроками Стендаля»). Победы в те годы сталинисты, и самая возможность обращения к читателю с книгой воспоминаний для Эренбурга закрылась бы. После 1958 года, ославившегося позорным мировым скандалом в связи с Нобелевской наградой Б.Л. Пастернаку, советский политический маятник снова чуть качнулся в сторону цензурного послабления, и Эренбург почувствовал, что наступает время для его заветной работы. «Осенью 1959 года, – вспоминал он позднее, – я часто говорил себе, что нужно сесть за стол и начать книгу воспоминаний; обдумывал план книги и, как всегда у меня бывало, оттягивал начало работы...»² Эренбург решил довести мемуары до весны 1953-го, но уверенности, что удастся напечатать все написанное, у него не было, и впервые за последние годы писательства он готов был к тому, что не все им написанное будет опубликовано.

Однако, несмотря на подчас свирепшую цензуру, Эренбургу ценою некоторых дипломатических уступок и хитростей удалось напечатать едва ли не все написанные им главы – годы работы над книгой «Люди, годы, жизнь» стали временем заметных перемен и сдвигов в стране, и сами эренбургские мемуары работали, по мере их публикации, на эти перемены.

Эренбург понимал, что были писатели, вся творческая и жизненная энергия которых реализовалась в их книгах (это подтверждают его слова в мемуарах о беззаветно любимом Гоголе: «Каким светом озарил этот угрюмый, болезненный, в жизни глубоко несчастный человек и Россию и мир!»).³ Для других же литература являлась одной из форм их участия в жизни (к ним, скажем, можно отнести и столь ценного Эренбургом Стендаля). В этом смысле и о самом Илье Григорьевиче, человеке умном и одаренном, в молодости менявшем не только политические взгляды, но и художественные увлечения, можно сказать, что его собственная жизнь, отмечена непримиримостью и компромиссами, непоседливостью, общительностью и очень замкнутым ближним кругом, дружбами и знакомствами с гениальными художниками и поэтами, неизменной верностью искусству и политическим реализмом. Словом, именно жизнь Эренбурга – его самый интересный роман. Поэтому, наверное, воспоминания «Люди, годы, жизнь» стали для

¹ В одноименном стихотворении (1939 г.) Эренбург так назвал годы своей молодости.

² См. наст. изд.: том 3, книга 7, глава 21.

³ См. наст. том, книга 3, глава 14.

отечественных читателей 1960-х годов захватывающим чтением (вопреки всем издержкам, неминуемым для подцензурного сочинения в условиях тоталитарного государства). Эта его книга сыграла исключительную роль в формировании молодого поколения того времени. То обстоятельство, что нынешний памятный читатель располагает знанием куда более острых и трагических фактов, чем приведенные на страницах книги Эренбурга, никак не лишает ее интереса и значительности; как раз напротив – эти вновь полученные знания позволяют точнее и лучше понять Эренбурга, его недоговоренности, намеки, мучения, его веру, его неуступчивость и компромиссы. Надеюсь, что и нынешние комментарии к мемуарам «Люди, годы, жизнь» способствуют тому же.

В течение пяти лет мемуары Эренбурга печатались в «Новом мире». По существу, это был единственный тогда журнал, куда он мог предложить свою рукопись, хотя его отношения с главным редактором журнала А.Т. Твардовским были едва ли не прохладными (ранних вещей Эренбурга Твардовский не знал, его поэзию ни во что не ставил, поздней прозой пренебрегал; в свою очередь, сложившиеся в 1910–20-х годах поэтические симпатии Эренбурга были в целом далеки от поэтики Твардовского). Взаимоотношения чуть потеплели после публикации в журнале нетривиального эренбургского эссе «Перечитывая Чехова» (1959). Но, даже печатая «Люди, годы, жизнь», главный редактор «Нового мира» в своих Дневниках 1960-х годов¹ многократно и охотно фиксировал высокомерное пренебрежение не только к литературной работе Эренбурга, но и к самой его личности, к его вкусам и стилю, как он их себе представлял, а Эренбург был человеком не в пример более закрытым и дневников не вел, так что документального свидетельства его личного отношения к Твардовскому (литератору, редактору, человеку) не оставил. Отметим также, что немного найдется среди достойных наших писателей середины XX века ментально и житейски более далеких друг другу людей, чем Твардовский и Эренбург.

Несмотря на это, главный редактор «Нового мира» сразу же решил печатать «Люди, годы, жизнь» и неизменно был корректен в общении и переписке с Эренбургом, предоставляя, правда, ему самому добиваться цензурного разрешения, если речь шла о запретах политически непроходимого материала, и лишь однажды отказался печатать неприемлемую лично для него главу мемуаров о Фадееве. Только после смерти Эренбурга, невольно сравнивая его с другими «советскими классиками», скажем с Фединым или Тихоновым, пережив к тому времени немало жестоких разочарований и ударов, Твардовский переосмыслил и самое значение мемуаров Эренбурга, ответственно пообещав им «прочную долговечность».²

Приведем еще одно суждение о мемуарах Эренбурга из дневника близкого к диссидентскому кругу писателя А.К. Гладкова, который в 1960-е годы часто бывал у И.Г., подолгу с ним разговаривал и записывал в дневник многое из того, что считал важным. Одна запись сделана им через год после смерти Эренбурга – 24 сентября 1968 года. Просмотрев томик «Люди, годы, жизнь» с 5-й и 6-й частями, Гладков записал: «Мне понадобилась одна справка из мемуаров Эренбурга, и я стал перелистывать третий том и кое-что перечитал. Вот книга,

¹ Твардовский А.Т. Новомировский дневник: в 2 т. – М., 2009.

² Твардовский А. Памяти Ильи Григорьевича Эренбурга // Новый мир. 1967. № 9. С. 286; см. также: Твардовский А. Собр. соч.: в 5 т. Т. 5. – М., 1971. С. 379.

которая за время своего существования то понижается в цене, то растет. Сейчас она снова кажется почти невысказанно смелой и откровенной (как потемнел общий фон), а когда И.Г. печатал при жизни последние части <искореженные цензурой. – Б.Ф.>, то на фоне расцвета самиздатовской литературы она казалась и трусливой, и приблизительной, и туманной. Истина, как всегда, посередине, но настоящая оценка ее (как и всего написанного Эренбургом) возможна в соотношении с окружающим: она не существует отдельно от него: она с ним связана сложной исторической связью».¹ Это суждение из дневника, а вот другое, из его собственных воспоминаний об Илье Григорьевиче: «Писатель Эренбург не мог не знать, что в истории литературы есть жестокая закономерность: авторы знаменитых автобиографических книг обычно надолго лишают себя подробных биографий <...> Психологически трудно вступить в соревнование с героем биографии, самим подробно рассказавшим свою жизнь. Работа грозит превратиться в безудержное цитирование, авторство станет пересказом... Илья Григорьевич прекрасно понимал это, и, когда я однажды заговорил с ним на эту тему <...> сказал: “Я шел на это”. Он шел на многое – и на то, что очень долго никто не решится взяться за написание его биографии, и на то, что “Люди, годы, жизнь” сделают несуществующей едва ли не добрую треть им написанного, и на то, что совершаемая им попутно рассказу о своей жизни “переоценка ценностей” вызовет немедленные споры и протесты. И как все-таки хорошо, что написана эта энциклопедически щедрая, яркая, сердечная, добрая книга».²

Книга первая

К работе над первой книгой мемуаров Эренбург приступил во второй половине декабря 1959 года. К той поре он постарался освободиться от многих побочных обязательств, хотя дела, связанные с общественно-политической работой остались неотменными. 4 января 1960 года, уезжая по неотложному делу в Стокгольм, Эренбург сообщал другу своей парижской юности поэтессе Елизавете Полонской: «Пишу мемуары, но все время отрываю, а хочется восстановить прошлое».³ Приступая к самому значительному замыслу своей жизни, Эренбург обращался к различным литературным источникам – книгам, газетам, архивным материалам, а также к уцелевшим свидетелям событий (так, 17 февраля 1960 г. в письме к В.А. Радус-Зеньковичу, с которым в 1908 году он сидел в Мясницкой полицейской части Москвы, Эренбург расспрашивал о дальнейшей судьбе товарищей по подполью⁴; весной 1960 года отдельные главы рукописи посылал с просьбой отметить возможные неточности своему гимназическому товарищу

¹ Дневники А.К. Гладкова за 1968 г. / Публикация М. Михеева // Звезда. 2015. № 1. С. 179. Доживи А.К. Гладков до наших дней, он наверняка не отказался бы от этих слов.

² Гладков А.К. Поздние вечера. – М., 1986. С. 100–200; см. также: Воспоминания об Илье Эренбурге. – М., 1975. С. 261–262.

³ Эренбург И.Г. На цоколе историй. Письма 1931–1967 / Издание подгот. Б.Я. Фрезинским. – М.: Аграф, 2004. С. 477; далее: П 2 и номер страницы.

⁴ П2. С. 478–479.

В.Е. Крашенинникову, О.П. Ногиной; летом – Е.Г. Полонской). 15 апреля 1960 года Эренбург сообщил О.П. Ногиной: «Я закончил первую часть воспоминаний».¹

Первая книга мемуаров Эренбурга повествует о первых 26 годах жизни Ильи Эренбурга. В ней главы о Киеве, где он родился 26 (14) января 1891-го, о Москве, куда в 1896-м переехала его семья (родители, их первые три дочки и он сам), о Первой московской гимназии, где учился, о друзьях большевистской юности Н. Бухарине, Г. Сокольникове, С. Членове и В. Неймарке, о молодой революционерке Н. Львовой, писавшей стихи, о Париже, куда он эмигрировал в декабре 1908 года, спасаясь от преследований за революционную работу, о политиках В. Ленине и Б. Савинкове, с которыми познакомился уже в Париже, о старшем друге Т. Сорокине, к которому ушла его первая жена, о друзьях парижской молодости: русских поэтах К. Бальмонте, М. Волошине, А. Толстом, французских поэтах Г. Аполлинере и М. Жакобе, о художниках А. Модильяни, Ф. Леже, Д. Ривере и П. Пикассо.

Поэт Борис Слуцкий, которому Эренбург давал на прочтение все написанное до передачи мемуаров в редакцию журнала, вспоминал: «Правя мемуары, я, конечно, иногда разрушал музыку фразы, которая всегда выговаривалась прежде, чем выстукивалась на машинке. Вообще говоря, мемуары читали (до журнальных редакторов) всегда и по главам – Наталия Ивановна <Столярова, секретарь Эренбурга. – Б.Ф.> (она их перепечатывала), Любовь Михайловна <жена писателя. – Б.Ф.>, Ирина Ильинична (его дочь), я и Савич <ближайший друг писателя. – Б.Ф.>. Кроме того – так сказать, узкие специалисты. <...> Мелкие справки наводились по “Ляруссу” и Большой советской энциклопедии (2-е издание). В случае надобности читалась всякая дополнительная литература. Эренбург слушал замечания, даже требовал их, спорил, часто соглашался. Один из важнейших законов, которые он выработал для мемуарной книги, – не писать о плохих людях (кажется, никто из них не удостоился отдельной главы) и не писать плохого о хороших людях. Эренбурга обвиняли в очернительстве, а закон, оказывается, толкал на лакировку».²

Критик Б.М. Сарнов приводит услышанные им от Эренбурга слова о книге «Люди, годы, жизнь»: «Я писал ее для печати. В первой книге, которую я сейчас закончил, есть только одна глава, которая пойдет в архив³. Это – глава о Троцком. Я сам не хочу ее печатать... Я встретился с ним в Вене в 1909 году⁴. Он очень мне не понравился... авторитарностью, отношением к искусству... Я не хочу сейчас печатать эту главу потому, что мое отрицательное отношение к Троцкому сегодня

¹ П2. С. 480.

² *Слуцкий Б.* О других и о себе / Сост., подгот. текста, примеч. Петра Горелика; вступ. статья Никиты Елисеева. – М., 2005. С. 206.

³ Эренбург имеет здесь в виду невозможность напечатания главы по причинам политическим. Когда 16-ю главу о Т.И. Сорокине прочла мать единственной дочери Эренбурга Ирины Е.О. Сорокина, которая в 1913 году ушла от Эренбурга к его другу Т.И. Сорокину, она попросила И.Г. не печатать эту главу при ее жизни, и он пошел ее просьбе навстречу (впервые гл. 16 напечатана в бесцензурном издании мемуаров 1990 года по решению уже И.И. Эренбург).

⁴ *Фрезинский Б.Я.* Троцкий, Каменев, Бухарин: избранные страницы жизни, работы, судьбы. – М.: АИРО. XXI, 2015. С. 56–68.

может быть ложно истолковано. А все остальное хочу напечатать»¹, однако после смерти Эренбурга эту главу в его архиве не обнаружили; скорей всего, она так и не была написана.

Работая над мемуарами, Эренбург старался сбить с толку цензуру. Так, рассказ о Б.В. Савинкове написан иначе, чем другие портретные главы, – он начинается с ряда эпизодов из жизни самого автора и поначалу вообще не кажется портретной главой. В воспоминаниях о Бухарине и Сокольникове речь идет только о годах юности героев (к рассказу об их дальнейшей судьбе Эренбург предполагал вернуться позднее).

О новой работе писателя 9 апреля 1960 года сообщила «Литературная газета», напечатав главу о Ленине; предваряя эту публикацию, Эренбург писал: «Эта глава из книги “Годы, люди, жизнь”, над которой я в настоящее время работаю». Название мемуаров изменилось позже; перестановка слов была принципиальной. Уже 4 июня 1960 года, публикуя главу об А.Н. Толстом, «Литературная газета» сообщила, что это отрывок из книги «Люди, годы, жизнь», которая целиком будет печататься в «Новом мире». Дело в том, что еще 25 апреля 1960 г. Эренбург в письме Твардовскому предложил для «Нового мира» первую книгу своих мемуаров.² Заместитель Твардовского А.И. Кондратович вспоминал: «Эренбург писал, что начал большую работу над воспоминаниями, закончил уже первую книгу и видит, что нигде ее, кроме «Нового мира», он не сможет напечатать. Он просит А.Т. прочитать книгу, и если А.Т. что-то в ней не понравится, он не будет в обиде, если тот ее не примет к печати. А.Т. тотчас позвонил И.Г. и сказал, что немедленно пришлет курьера, а так как Эренбург жил недалеко от редакции, рукопись через 15 минут лежала у А.Т. на столе <...> Я не сказал бы, что А.Т. был в восторге от этих воспоминаний. Многое в них раздражало его, но он сразу же почувствовал значение мемуаров – и в творческой биографии самого Эренбурга, и вообще в нашей литературе. Это убеждение со временем крепло помимо всего прочего в силу изменения политического климата. Убежденный антисталинист, первый возвестивший наступление “оттепели”, Эренбург с похолоданием становился в этом, пожалуй только в этом, но зато в каком существенном отношении все ближе А.Т.»³

Редакция «Нового мира», приняв рукопись в целом, категорически отказалась бороться за прохождение через цензуру главы о «врагах народа» Бухарине и Сокольникове⁴, предоставив автору самому добиваться этого. К тому времени процесс реабилитации жертв сталинского террора уже буксовал, и реабилитация наиболее выдающихся сподвижников Ленина задерживалась. В этих условиях обращаться за разрешением имело смысл лишь к Хрущеву. Суть своей просьбы к нему Эренбург изложил в письме 8 мая 1960 года: «В журнале “Новый мир” начинают печатать мои воспоминания. В начале я рассказываю о моем скромном участии в революционном движении в 1906–1908 годах. Там я говорю о Бухарине

¹ Сарнов Б. У времени в плену // *Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь*: в 3 т. Т. 1. – М.: Советский писатель, 1990. С. 16–17. Далее – ЛГЖ-90.

² П2. С. 482.

³ *Кондратович А. Новомирский дневник. 1967–1970*. – М.: Собрание, 2011. С. 178.

⁴ Они были реабилитированы только в самом конце 1980-х годов.

и Сокольникове того времени – о гимназистах и зеленых юношах. Я решаю послать Вам эту главу и отчеркнуть те две страницы, которые без Вашего слова не могут быть напечатаны. Особенно мне хотелось бы упомянуть о Бухарине, который был моим школьным товарищем».¹ Одновременно Эренбург писал в сопроводительной записке референту Хрущева по вопросам культуры В.С. Лебедеву: «Из письма Никите Сергеевичу Вы увидите, в чем моя просьба. Может быть, даже не к чему показывать ему две страницы – я думаю сейчас о его времени. Может быть, Вам удастся просто спросить его в свободную минуту, могу ли я упомянуть в своих воспоминаниях восемнадцатилетнего Бухарина (это для меня наиболее существенно)».² Оба письма вручила В.С. Лебедеву секретарь Эренбурга Н.И. Столярова. Вот что она мне рассказала в 1975 году: «Лебедев прочел письмо и сказал, что у Никиты Сергеевича может быть свое мнение и он его не знает, но ему кажется, что не следует это печатать, т. к. Бухарин не реабилитирован, народ знает его как врага и вдруг прочтет, как тепло и душевно пишет о нем Илья Григорьевич, – все шишки повалятся на него. В интересах душевного спокойствия И.Г. не печатать этого сейчас. Конечно, если И.Г. будет настаивать, напечатают: ведь у нас цензуры нет, но это не в интересах И.Г. Прощаясь, Лебедев сказал, что письмо он, разумеется, передаст».³ Эренбург оценил лукавство Лебедева и понял, что реабилитация Бухарина в ЦК не готовится. Ответа на свое письмо от Хрущева или его сотрудников он не получил. Сообщить Твардовскому об этом было выше его сил, и Эренбург написал, что добровольно снимает те две страницы; вместо них в журнальном тексте появились слова: «Еще не настало время рассказать о всех моих товарищах по школьной организации. Рассажу сейчас о некоторых».⁴

Шесть глав первой книги с апреля по август 1960 г. предварительно (до «Нового мира») публиковались в газетах и журналах. Это позволяло Эренбургу заранее сообщать своим читателям, как движется работа над мемуарами и что их ожидает впереди. Он был предусмотрителен, используя такую возможность оповещения читателей о ходе написания почти всех книг «Люди, годы, жизнь» вплоть до последней, седьмой, завершить которую не успел (о ней читатели узнали в 1967 году из предварительной публикации нескольких глав; знакомства со всем написанным ее текстом им пришлось ждать долгие 20 лет после смерти автора).

«Люди, годы, жизнь» не были анонсированы в «Новом мире» на 1960 год, но публикация первой книги в 8–10 номерах вызвала широкий читательский резонанс. А.И. Кондратович свидетельствует: «Читательский успех мемуаров был огромный. Номера в киосках раскупались тотчас же. Мы получали множество писем, но и мытарств с этими мемуарами мы хватили тоже сверх головы».⁵ Советская критика (как ортодоксальная ее часть, так и, пользуясь современным словом, либеральная), ожидая дальнейших частей повествования, о первой книге высказаться не решилась; несколько доброжелательных рецензий появились разве лишь в провинциальной

¹ П2. С. 482–483.

² П2. С. 483.

³ Архив автора.

⁴ Новый мир. 1960. № 8. С. 40.

⁵ Кондратович А. Указ. соч. С. 179.

прессе. Готовя в 1961 г. первую книгу вместе со второй к отдельному изданию, Эренбург внес в нее ряд дополнений и исправлений. Сразу после публикации в «Новом мире» первая книга мемуаров Эренбурга была переведена во многих странах мира. Публикация мемуаров Эренбурга широко и подчас пристрастно обсуждалась в литературных кругах страны. Характерный эпизод приводит в своем дневнике 29 сентября 1960 г. писатель А.К. Гладков, еще не знакомый тогда с Эренбургом лично: «Спор о воспоминаниях Эренбурга. Н.Я. <Мандельштам. – Б.Ф.> бранит, и Коля <Оттен. – Б.Ф.> ее поддерживает (теория “малой пользы”, компромиссы и пр.). Я и Елена Михайловна <Фрадкина. – Б.Ф.> защищаем Эренбурга. А.С. Эфрон тоже говорит, что он написал “не так” о М. Цветаевой, а Н.Я. боится, что он “не так” напишет о Мандельштаме. Нашелся в стране человек, который пишет о Цветаевой и Мандельштаме и др., и сразу на него напустились, что “не так”...»¹

Книга вторая

Вторая книга мемуаров «Люди, годы, жизнь» рассказывает о событиях в России с июля 1917-го до весны 1921-го, когда Эренбург отправился в Париж, чтобы написать задуманный им роман о войне и революции. Читая эту книгу, вы следуете за Эренбургом по маршруту его нелегких и часто вынужденных перемещений в трудные времена (он сегодня покажется вполне соблазнительным): Петроград – Ялта – Коктебель – Москва – Киев – Полтава – Коктебель – Феодосия – Тифлис – Москва – Рига – Париж – Брюссель. В Киеве 13 августа 1919 года Илья Эренбург женился на своей двоюродной племяннице, молоденькой художнице Любе Козинцевой, ставшей спутницей всей его жизни, о чем он с веселым изяществом написал во второй книге. В ней читатель знакомится и с главами о Брюсове и Цветаевой, Пастернаке и Маяковском, Волошине и Мандельштаме, Мейерхольде, Таирове и Дурове, о Есенине и Т. Табидзе. Повествование завершается рассказом о первом и, пожалуй, самом знаменитом романе Ильи Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников».²

Эта книга писалась летом и осенью 1960 года. Уже напечатал первую часть мемуаров и приступив к работе над второй, Эренбург говорил Б.М. Сарнову: «С ней будет сложнее. Из нее дай бог чтобы мне удалось напечатать две трети. А треть пойдет в архив».³ 26 октября он сообщал Е.Г. Полонской: «Я кончил теперь вторую часть воспоминаний. Работа увлекательная, но печальная».⁴ Журнальная

¹ Гладков А. Я не признаю историю без подробностей (из дневниковых записей 1945–1973) / Предисл. и публикация Сергея Шумихина // *In memoriam*: исторический сборник памяти А.И. Добкина. – СПб. – Париж, 2000. С. 549. Подробно об отношениях к мемуарам Эренбурга А.А. Ахматовой см.: Фрезинский Б.Я. Об Илье Эренбурге (книги, люди, страны). – М.: НЛО, 2013. С. 545–556; далее – Ф5 и номер страницы.

² Этот скорее сатирический роман о войне и революции обдумывался Эренбургом начиная с 1916 г. и написан летом 1921-го в Бельгии за 28 дней; его полное название занимает страницу, напечатан он был впервые в Берлине в январе 1922 г., а в 1923-м издан в Москве с предисловием Н.И. Бухарина.

³ Сарнов Б. Указ. соч. С. 17.

⁴ П2. С. 490.

судьба первой книги к тому времени решилась положительно, и вторую Эренбург писал, также рассчитывая на публикацию в «Новом мире».

Рассказывая о событиях Гражданской войны, об эпохе военного коммунизма, о трагической судьбе своих современников, он не мог не считаться с цензурой. Многие страницы второй части написаны суше, дипломатичнее, чем первая книга, и тем не менее вторая часть «Люди, годы, жизнь» стала для тогдашних советских читателей заметным прорывом в осмыслении отечественной истории, недаром мемуары Эренбурга в течение последующих десятилетий в СССР оказались фактически под запретом.

Неканоническое изображение трагедии Гражданской войны, в которой случай разводил родных братьев под противоборствующие знамена, рассуждения о драме Маяковского, отказавшегося от искусства ради политики, впервые приведенные воронежские стихи Манделштама, самое имя которого было неизвестно подавляющему большинству читателей, глава о Марине Цветаевой, книга стихов которой еще только готовилась к изданию, рассказ о Пастернаке-лирике в пору политического остракизма, вызванного присуждением ему Нобелевской премии за роман, – все это не могло не стать сенсацией в СССР начала шестидесятих годов.

Глава 9 под названием «Киев» была напечатана до «Нового мира» – 27 октября 1960-го в «Литгазете»; глава 11 – в № 10 журнала «Советская Украина»; глава 15 о Тифлисе – в «Лит. Грузии» № 1 за 1961-й, глава 19 под названием «Воспоминания о Мейерхольде» – в № 2 журнала «Театр» за 1961-й одновременно с «Новым миром» (в архиве Эренбурга сохранились также гранки не осуществившейся предварительной публикации 6-й и 7-й глав в «Литгазете»).

Беседуя поздней осенью 1960 года с журналистами, Эренбург говорил о своей работе: «Вторая книга будет опубликована в “Новом мире”. По-моему, она слабее первой. Отдал читать Твардовскому. Он позвонил на следующий день, сказал, что понравилась. Твардовский предупредил, что формально будет трудно “пробить” то, что я пишу о Пастернаке. А по существу его пугает Маяковский». ¹ Лично у Твардовского обе главы не должны были вызвать возражения – он никогда не был поклонником Маяковского, а глава о Пастернаке написана достаточно взвешенно. Возражение против этой главы высказал лишь один член редколлегии журнала – очеркист Валентин Овечкин. Прочитав верстку первого номера за 1961 год, он 5 декабря 1960 года в письме Твардовскому ² высказался против похвал Пастернаку-поэту и подверг сомнению правдивость рассказа о дружбе Пастернака с Маяковским. «Замечания твои по Эренбургу будут учтены и доведены до автора, – ответил ему Твардовский. – Замечаний по нему можно было бы сделать и в десять раз больше, но учить Эренбурга поздно и невозможно, нужно считаться с таким, каким его бог зародил. Тем более что это – продолжение, а начало имеет успех у читателя, и все в целом имеет свою объективную ценность мемуарного свидетельства о пережитом при всем несовершенстве и порой претенциозности субъективного изложения». ³

¹ Архив автора.

² Текст письма В. Овечкина см.: Север. 1979. № 10. С. 120.

³ Твардовский А.Т. Письма о литературе 1930–1970. – М., 1985. С. 210.